

Ковач Константин Владимирович

**101 Абхазская народная
песня. Этнографическая
запись с историческими
справками.**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
К65

К65 **Константин Владимирович К.**
101 Абхазская народная песня. Этнографическая запись с историческими справками. / Ковач Константин Владимирович – М.: Книга по Требованию, 2026. – 82 с.

ISBN 978-5-519-89570-5

ISBN 978-5-519-89570-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

К. В. КОВАЧ. К. Ф. ДЗИДЗАРИЯ.

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Предлагаемые в настоящем сборнике материалы являются первой в истории Абхазии записью абхазских народных песен. Работа эта была поручена композитору-этнографу Константину Владимировичу Ковач и организатору работы по собиранию песен—Кондратию Федоровичу Дзидзария в результате устроенного Наркомпросом Абхазии и Академией абхазского языка и литературы конкурса на более точную запись народных мелодий абхазцев.

В 1927 году 52 абхазские песни, собранные К. В. Ковач, были представлены на юбилейной выставке искусств национальностей СССР в Москве. Комиссия по присуждению наград участникам этой выставки оценила данную работу так:

К. В. Ковач награжден почетным дипломом, как первый собиратель абхазских народных песен; К. Ф. Дзидзария награжден похвальным отзывом за умелую организацию собирания абхазских народных песен; Наркомпрос Абхазии награжден похвальным отзывом так же за организацию собирания абхазских народных песен.

Все помещенные в этом сборнике абхазские песни многократно и тщательно проверены особой комиссией с участием представителей Академии абхазского языка и литературы и крестьян-знатоков абхазской песни.

Впервые выпуская эти материалы в печати, Наркомпрос и Академия абхазского языка и литературы спокойны за точность записей всех песен предлагаемого сборника.

Наркомпрос Абхазии *А. Чочуа.*

Председатель Академии абхазского языка и литературы *Д. Гулия.*

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА.

Кому принадлежит инициатива.

Даже тогда, когда жизнь явно и настойчиво требует того, чтобы было сделано какое-то дело,—это не начнется и дело не будет сделано до тех пор, пока кто-нибудь не рискнет быть инициатором.

Абхазские песни, отражавшие жизнь и быт народа, создавались веками; сколько пришло их в жизнь и сколько ушло из жизни навсегда, сказать теперь трудно.

Кто же подумал о том, чтобы как-то запечатлеть и сохранить следы богатейшего народного творчества? Кто подумал о том, что эти следы смогут рассказать нам простыми нотными знаками то, чего не могут уж рассказать живые свидетели былого, давно сошедшие с жизненной арены!?

Об этом никто не заботился, об этом не хотели заботиться на протяжении очень многих лет, ибо это было бы еще одним из тех моментов, когда широкая народная масса осознает свое национальное достоинство, свое право на свободное развитие.

Октябрь застопорил историю, двигавшуюся по проторенной веками дорожке и направил ее вновь по таким путям, от наличности и неожиданностей которых ахнул весь мир. И как, естественно, изменилось отношение ко многим вопросам, ранее умышленно попиравшимся, так изменилось отношение и к вопросу разработки „залежей“ народного творчества.

Жизнь настойчиво потребовала фиксирования народных песен всех, когда-то отсталых, народностей, в том числе и абхазцев (о них я и буду говорить) и тут, конечно, понадобилось, чтобы кто-нибудь первый подал голос за это, т. е. явился бы практическим проводником задач коммунистической партии в повседневность.

В 1923 году эта, столь нужная, инициатива была проявлена Председателем Совнаркома Абхазии тов. Нестором Лакоба.

Абхазия вкусила первую радость установления Советской власти только в 1921 году. Стало быть, 1923 год был годом разрешения труднейших вопросов восстановления пришедшего в ветхость хозяйства и упорного строительства, нарождающегося социализма. И вполне понятно, что осуществить тогда же дело собирания народного творчества, конечно, не удалось.

Но самое важное было сделано: был заложен прочный фундамент в виде твердой постановки вопроса о необходимости во чтобы то ни стало провести эту работу.

Вот за это и за неослабное внимание к проводимой работе от самого ее начала и до момента издания, мне хочется передать товарищу Нестору искреннюю благодарность тех абхазских крестьян, которые, или непосредственно сталкивались с этой работой, предоставляя мне материалы, или просто слышали о проводимой работе и, как те, так и другие, вполне понимавшие огромное культурное значение ее.

Абхазская песня и ее творец.

Вышло так, что мне первому пришлось стать лицом к лицу с абхазскими песнями и их творцом—интереснейшим абхазским народом; мне посчастливилось понять абхазскую песню и ее автора и быть посредником между ним и той частью современного музыкального мира, которая интересуется народным творчеством. И мне хочется поделиться с ними своим неподдельным восхищением редчайшей одаренностью абхазцев, творивших свою совершенно особенную мелодию в таких условиях, в каких ни один ученый композитор не стал бы ничего делать.

Правда, абхазцы живут в такой легендарно красивой местности, где творить что-то хочется даже и тому, кто никогда не был творцом. Но полный препятствий путь абхазца к культуре, но материальное положение, но палка „защитников“... Этих „но“ было так много, что если бы нам пришлось быть на месте абхазцев, вряд ли бы нам захотелось петь.

Но они пели.

Люди, творящие красивую музыку только лишь чувством, вызванным тем или другим выдающимся жизненным случаем, создавшие вместе с мелодией целую историю страны души (так называется Абхазия, по абхазски—Апсны), умевшие петь о добродетели под ударами тяжелой дубины, люди, певшие свои стихийно рождавшиеся в уме и сердце песни, умирая, люди, поющие свои горестные и радостные песни у постели больного, эти люди—герои, достойные глубочайшего уважения; они вполне стоят того, чтобы о них никогда не забывать.

Абхазские песни не требуют пространных предисловий и пояснений, ибо они сами говорят за себя своим музыкальным и главное—историческим и бытовым содержанием. Здесь можно ограничиться лишь следующим замечанием.

Каждая песня имеет за собой или историческое событие, или бытовое, или вообще какой-либо случай, связанный с жизнью абхазца. Абхазские песни—это не „песни настроения“. Это подробное повествование о героях, о плохих людях, о временах, имеющих положительное или отрицательное значение в жизни абхазца. Это, если можно так выразиться, один из обязательных пунктов жизненного регламента абхазца.

В настоящем сборнике абхазские песни представлены так, как они до сего времени поются в народе, в той тональности, в какой они пелись при их записи. В гармоническом отношении к песням ничего не прибавлено и ничего у них не отнято. Записывались мною песни в горах и сельских местностях Абхазии с напевов стариков-знатоков своей песни, с апхерца и с ачарпана.

Апхерца и ачарпан.

Это два очень древних музыкальных инструмента абхазцев, которые и сейчас еще в большом ходу в каждом селении и в горах у пастухов.

Апхерца—это род кеменджи с двумя струнами из конского волоса. Изготавливается этот инструмент самими абхазами кустарным способом, путем выдалбливания овальной коробки и наложения на нее тонкой деки. Звучит апхерца довольно слабо, но, зачастую, при хорошем игроке и хорошем качестве, инструмент звучит очень красиво. Апхерца употребительна только в селениях (в горы ее с собой не носят). Играющий на ней обязательно сам подпевает своей игре, а окружающие слушатели частью также подпевают вместе с игроком, а частью произносят рифмованные или не рифмованные тексты о том, о чем играет апхерца.

Смычок этого инструмента состоит из легко гнущейся палки и прикрепленного только в одном конце конского волоса. Другой конец натягивается рукой игрока в такой мере, какую он считает для себя удобной.

Ачарпан—это стебель большой травы, растущей в горах, напоминающей собой бузину. Трава эта называется „ачарпан“ и поэтому инструмент также носит это название. Из срезанного стебля устраивается нечто вроде свирели с тремя отверстиями (тональными) внизу и без всякого приспособления, могущего издавать звуки. Последние добываются следующим образом: верхняя часть ачарпана опирается на верхние зубы в одном углу рта и прижимается языком. Языком же издается нечто вроде кш, кш, кш, направленном в небо, и „рикошетом“ попадающее в сквозное отверстие трубочки (стебля). Таким образом получается нечто похожее на звуки свирели и даже флейты. Свободной частью рта, при помощи диафрагмы, играющий подпевает себе.

Инструмент этот был в ходу у абхазцев значительно раньше, чем апхерца. Распространен он главным образом среди пастухов в горах.

Абхазские песни и Кондратий Дзидзария.

Имя это совсем не случайно связано с абхазскими песнями.

Кондратий Федорович Дзидзария является не только организатором всей работы по собиранию абхазских народных песен, но и самым умелым и чутким вдохновителем в особенно трудные моменты работы.

Со всей откровенностью сознаюсь, что в начале работы я очень мало верил в успех этого предприятия, а следовательно и работал над записью песен не с таким вниманием, какое требуется при этом очень сложном деле.

Кондратий Дзидзария добился от меня нужных результатов внимательным наблюдением, совместными поездками по Абхазии в самом начале работы и чутким отношением ко всем мелочам, касавшимся записи песен.

Кондратий Дзидзария является очень крупным знатоком абхазской песни, музыкально одаренным и музыкально воспитанным человеком.

Работа по собиранию песен выполнена мною не столько силой моей учености, сколько огромным желанием понять непонятное и постичь почти непостижимое, родившемся во мне только благодаря вмешательству Кондратия Дзидзария.

К. Ковач.

Запись абхазских песен на горе Бамбей-Яшта.

КРАТКИЕ СПРАВКИ ОБ АБХАЗСКИХ ПЕСНЯХ.

1. Песня гагринцев (записана в Сухуме).

Историческую справку передал Хоза Ампар из с. Калдахвары.

Лет 80 назад абхазцы, жившие в районе нынешних Гагр, подняли вопрос о необходимости войны с убыхами. в связи с вопросом о границе. Убыхи жили тогда в местности Экирхан (теперь Лазаревское, Сочинского района). Гудаутские и сухумские абхазцы поддерживали гагринцев и война загорелась со всеми своими последствиями.

Победителями оказались абхазцы. Приводимую здесь песню абхазцы слышали от пленных убыхов и, возвращаясь в свой край, пели ее. Эти же воины и дали песне название „Песня гагринцев“.

Отсюда, следует полагать, что песня эта не абхазского происхождения, а убыхского и только гармоническое сочетание ее придано уже абхазцами.

Между прочим, все исторические сведения об абхазских песнях крайне разноречивы. Поэтому и относительно этой песни существует еще и другая версия, а именно:

В 1877 году, во время эмиграции абхазцев в Турцию, гагринские абхазцы, покидая свои гнезда и направляясь к месту посадки на турецкие суда, пели эту песнь, выражая в ней скорбь и надежду на скорое возвращение.

Какая из этих двух справок вернее—определить сейчас уже трудно. Надо только полагаться на наибольшую правдоподобность той или другой из них. Правда, мелодическое и гармоническое построение песни, больше говорит за ее абхазское происхождение.

2. Азар. (Записана в Сухуме).

У абхазцев эта песня называется „Верховая“ (Азар). Начало существования этой песни абхазцы теперь уже не помнят, но общие сведения о ней таковы: на лошадь умершего абхаца одевают траурную попону и навешивают принадлежавшие покойному кинжал, пояс и ружье. Лошадь окружают близкие родственники покойного и, разделившись на две группы, поют похоронную песню „Ауау“, причем ударяют себя в лоб руками.

Тоже делается и на поминках; и тогда, после пения „Ауау“, под‘езжают наездники, приготовившиеся к участию в традиционных скачках, устраиваемых во время поминок. Эти наездники поют песню „Азар“.

Однажды на поминках по умершему старику по имени Кямшей Маан (Маргания) в группе наездников под‘ехал и сын покойного Джамлат Маан, который и запел внезапно песню, называемую теперь „Азар“, но только не в таком виде, как она поется сейчас, а совершенно иначе. Теперь эту песню помнят только старики из с. Мугудзырхва (см. №№ 4 и 5).

Каким образом получила свое начало песня Азар современная (№ 2), остается неизвестным.

3. Азар.

Это та же песня, что и № 2, но только с той разницей, с какой она поется в с. Калдахвары (Гагринского уезда).

4. Старинный Азар. Поется в сел. Мугудзырхва, Гудаутского уезда. (См. справку № 2).

5. Ауау. (См. справку № 2). Поется по всей Абхазии.

6. Песня ранения. (Записана в Гаграх).

У абхазцев существует обычай утешать раненого песней. В крестьянской массе существует мнение, что песня помогает раненому забыться и делает менее чувствительной боль. Поэтому, когда случается ранение (что было совсем не редкостью во времена абрекства и борьбы с покорителями), абхазцы собираются вокруг раненого сейчас же после ранения и поют эту песню для облегчения страданий товарища.

7. Песня ранения. (Поется в Гудаутском уезде, записана в Сухуме).

Эта песня поется также при ранении, но только тогда, когда раненому делают операцию (вынимают пулю, перевязывают и т. д.).

8. Песня ранения. (Записана в сел. Джерды, подселок Гуады Кодорского уезда).

Такая же песня, как и № 6, но разнится в мелодии. В таком виде, как приведена она здесь, эта песня поется в Кодорской части Абхазии, песня же № 6 поется по Бзыбской части Абхазии.

В исполнении одних и тех же песен в Кодорской части Абхазии и Бзыбской существует известная разница, которая и будет видна в каждой мелодии в отдельности.

9. Песня ранения. (Поется в Кодорском уезде, записана в том же селении).

Эта песня поется раненому уже после операции. Его раненого развлекают и утешают.

10. Песня ранения. (Записана в том же селении).

Такого же значения, как и № 7, но с разницей в исполнении по Кодорскому уезду.

11. Песня раненого. (Записана в сел. Мугудзырхва, Гудаутского уезда).

Ажгирей-Ипа-Кучук был ранен в ногу. Пуля застряла там и надо было ее вынуть. Когда приступили к этой операции Кучук взял апхерца и стал играть на ней для того, чтобы облегчить свою боль.

Несожиданно в дом вошла жена Кучука и, видя, как он развлекает себя игрой на апхерца, она многозначительно сказала:

— Какой ты, Кучук, герой? Какой ты мужчина? И какой, наконец, ты мне муж, если ты играешь на апхерца, чтобы тебе не было больно, когда у тебя вынимают пулю?

Она удалилась.

Кучук разбил об пол апхерца и никто не слышал больше, чтобы он вздохнул за все время мучительной операции.